

Тридцатого ноября стали известны имена лауреатов международной литературной премии имени Фазиля Искандера. Одним из победителей в номинации «Проза» стал красноярский писатель Сергей Кузнечихин с книгой «Где наша не пропадала!».

В давнем интервью Кузнечихин заметил: «Творчество, как и разврат, — занятие для молодых». Хотя его литературная биография это опровергает: С. К. заговорил в полный голос, когда ему было крепко за сорок.

Уж простите за банальность, но всё в этой жизни неоднозначно. С Кузнечихиным вышел тот же самый парадокс. Хорошо, что приключилась такая удача, могла бы и мимо пройти. И плохо, что безбожно запоздала.

Хемингуэй считал лучшей писательской школой несчастливое детство. Эту школу Кузнечихин закончил с отличием: «Четвёртый, поздний и, наверное, лишний ребёнок в семье. Если бы не война и не четырёхлетняя разлука родителей, меня бы, скорее всего, не существовало. В некотором роде я — продукт столкновения двух диктаторов. Ничего путного из этого получиться не могло...»

За школьным порогом — в прямом и переносном смысле — были университеты разного профиля. Калининский политех, распределение в Иркутскую область и кочевая жизнь инженера-наладчика: от Ивделя до Магадана, от Кызыла до Норильска. В шестидесятые до хрипоты спорили о физиках и лириках — Кузнечихин норовил объединить противоположности: квалифицированный технарь наживал писательскую квалификацию, перерабатывая опыт и впечатления то в стихи, то в прозу.

Стихам, надо сказать, повезло больше: дебютный сборник удалось издать в 1979-м. Прозу издатели не жаловали. Кто-то из рецензентов писал, что после рассказов С. К. хочется вымыть руки. Хотя тот лишь дотошно фиксировал свои наблюдения: добросовестный разврат командировочных, убожество советского общежития — «общедия, общепития», по верному слову забытого ныне стихотворца. Первая прозаическая книжка Кузнечихина появилась в 1990-м, когда и тематика её, и герои уже уходили в небытие.

Плюс отягчающее обстоятельство: каинова печать провинциала. «Дар Божий! Для него прописка безразлична», — утверждал Кузнечихин. Но только для него: чины людьми даются. Литературные репутации делаются исключительно в столицах, примеров хватает: Иванов, Рыжий, Сальников, Селуков.

До ноября 2021-го известность Кузнечихина никогда не выходила за пределы Красноярска, хоть и постоянный автор «Эксмо». В официальной табели о литературных рангах он никак не выше губернского секретаря. Но есть и гамбургский счёт, известный лишь профессионалам. Опять-таки помянем Хемингуэя: даром, что ли, нобелиат завидовал изгоям Платонову? Так вот, о гамбургском счёте. «Проза Сергея Даниловича Кузнечихина — крупное явление русского искусства. Это искусство, как ему и положено, не вламывается в рамки нынешних откровенно коммерческих или псевдоинтеллектуальных проектов», — писал Максим Лаврентьев.

Необходимая оговорка: далеко не всё у Кузнечихина принимаю. Ранние его рассказы чаще всего — подшукшинские, с избытком разных ненужностей, в которых тонет более чем добротная стилистика. «Мастерство подразумевает большую предварительную работу», — говаривал Сергей Данилович. Наверное, это она самая и была. Да и писателя следует судить не по провалам, а по взлётам: орлам случается и ниже кур спускаться.

В 1994-м у Кузнечихина вместо привычного вывиха случился коренной перелом: в журнале «День и ночь» вышла повесть «Санитарный вариант, или Седьмая жена Есенина». Она восходит к самиздатским миниатюрам Пятницкого и Доброхотовой: «Гоголь переоделся Пушкиным...» Художники из журнала «Пионер» создали механизм, а С. К. раскрутил маховик до максимальных оборотов. У Кузнечихина двадцать шесть бакинских комиссаров берут в заложники Лермонтова, чтобы тот написал поэму об исконно азербайджанском Карабахе, Герцен претендует на Сталинскую премию по литературе, Денис Давыдов консультирует Пильняка, а Демьян Бедный навещает в борделе Сонечку Мармеладову...

Как и Пятницкий с Доброхотовой, Кузнечихин пародирует окололитературную мифологию. «Седьмая жена» по самое некуда наполнена травестированными аллюзиями на историю русской словесности.

Взять хоть дуэли российских классиков, состоявшиеся и несостоявшиеся: Толстой—Тургенев, Блок—Белый, Гумилёв—Волошин. А что будет, коли поставить всех до единого дуэлянтов в две шеренги с пистолетами в руках?..

Или хрестоматийный призыв бросить Пушкина с парохода современности. Кузнечихин овеществляет метафору: футуристы совсем не символически отправляют классика в надлежащую волну.

«Седьмая жена»—удовольствие для искушённого читателя, озорная игра в постмодернизм. Именно игра, поскольку все составляющие строго дозированы: фрагментарность без ущерба для целого, ирония и пародия без агрессии, интертекст без прямых заимствований.

Вот, кстати, об интертексте. Каждую главу повести завершает поучение, «Мораль»—по-видимому, отсылка к *moralité* Генриха Манна. Сведённые воедино, кузнечихинские афоризмы становятся катехизисом литератора:

«Нельзя поэту рваться к власти, потому что, став приказчиком, он перестаёт быть рассказчиком».

«Поэт обязан быть национальным, но упаси его Бог связываться с националистами».

«Случайная премия, как случайная связь, чревата самыми неожиданными последствиями».

В «Эксмо» повесть издали лишь в 2017-м, когда русский постмодернизм уже стал раритетом.

У каждого прозаика есть *opus magnum*. У Кузнечихина, думаю, это сборник «Где наша не пропадала!»: добрая сотня баек—рыбацких, производственных, бытовых, любовных,—объединённых образом рассказчика, Алексея Лукича Петухова. Петухов—персонаж, достойный стоять в одном ряду с Тихоном Щербатым и Василием Тёркиным: того же покроя мужик. Балагур, этого не отнять. Да не только на язык горазд; и тайменя поймает, и агрегат в цехе смонтирует, и за карточным столом не оплошает. И, под стать автору, перекаати-поле: в Питере бывал, на полу сыпал, и тут не упал.

Упаси меня Бог от спойлеров: сказ в пересказе гибнет. Ограничусь, пожалуй, ёмкими сентенциями, каких в книжке немало:

«На питерского стилигу поселковый люд смотрит с восхищением, а местного стилигу держит за придурка. Своему выпячиваться не дозволено. Будь как все, иначе заклеим и проклянем».

«Слышал я, что самое неприятное зрелище—это пьяная женщина, но мне кажется—смотреть на паникующего мужчину гораздо противнее».

Что до синопсиса, то здесь меня опередил Юрий Беликов, окрестив петуховиаду энциклопедией

русской провинции. Это и впрямь энциклопедия, где найдётся справка на все случаи жизни: от рецепта тройной ухи на бульоне из рябчиков до сдачи зачёта по чужим чертежам.

Правда, я бы добавил: здесь не только энциклопедия провинции, но и её летопись. Старт повествования приходится на хрущёвскую оттепель, финиш—на перестройку. Времена меняются, и вместе с ними меняется авторская интонация. На смену милым школьным и студенческим анекдотам приходят жёсткие и этически неоднозначные рассказы о новой эпохе.

С. К. вновь опоздал: сборник вышел в Красноярске в 2005-м. Спрос на идиллические мемории к тому времени был равен стапгогрешности, а новые реалисты производили свинцовые мерзости в промышленных масштабах. И уж не в пример свинцовее кузнечихинских.

Признания Данилыч с Лукичом дожидались аж шестнадцать лет. По счастью, и у премиальных жюри бывают ремиссии.

Повесть «Вожделенный остров Кристины. История болезни»—всецело о новых временах. Точнее, о том, как чувствует себя в них уходящая натура.

Вот здесь без спойлера не обойтись. Сотрудник полудухлого НИИ мечется в поисках денег: продаёт диссертацию, которую так и не сумел защитить, сбывает букинистам особо ценные книги из домашней библиотеки, тащит из лаборатории дистилляторы: ведь готовый самогонный аппарат. Деньги нужны, чтобы лечить тяжело больную жену,—да это лишь половина правды. Вторая половина куда как неприглядна: герой большей частью тратит их на проститутку. Довелось ему случайно увидеть голую красавицу по имени Кристина—и начались бесплодная охота за ней.

Повесть, опубликованная в альманахе «Енисей» года два назад, прошла незамеченной. Немногочисленные читатели сочли, что это про *<sensored>*, и на том успокоились. Ладно, пусть так—но и при этом раскладе текст не теряет психологической точности. Подробности у Фрейда: если первоначальный объект желания утерян, то он подменяется бесконечным рядом заменяющих объектов, из которых не удовлетворяет ни один.

На деле всё не в пример гаже: «История болезни»—панихида по советской интеллигенции, что на эскимосский манер меняла моржовые клыки и пушнину на стеклянные бусы. Иносказание вполне прозрачное: повесть предваряет блоковский эпиграф про Русь-жену. Книжки и лабораторное оборудование тем более не нуждаются в подсказке: девальвация науки и культуры. Дефиле разовых подружек, от самодельной аристократки до дурочки из сельхозинститута,—а что это, как не поиски новой, чур меня, идентичности?

При этом каждая из девок рельефно выписана и вполне убедительна. Наглядное пособие для студентов-филологов: художественный образ есть конкретная и вместе с тем обобщённая картина действительности...

Тут, по образу и подобию «Седьмой жены», должна быть мораль. Драму из вечных опозданий Кузнечихина, думаю, делать не стоит: это не его

жанр. Что до остального, то С. К. сам свёл дебет с кредитом и заполнил графу «Итого».

В ней два пункта. Первый—из давнего стихотворения: «Лишь осознание собственной ненужности / Даёт поэту полную свободу». Второй—рефрен из «Седьмой жены»: «Спасти поэта может только женщина».

Добавить к этому нечего. Ну разве что одно: блажен писатель с багажом таких истин.